

«От сердца к сердцу»

Начнем с того, что такое перевод?

Когда обычный образованный человек утверждает, что хорошо знает творчество У. Шекспира, О. Бальзака, Артура Конан Дойля, т.е. «читал» их произведения, ни у кого не возникает сомнений по поводу того, что он «изучал» иноязычных авторов в русском переводе.

Во времена А.С. Пушкина русские дворяне свободно владели французским языком, и автор в романе «Евгений Онегин» использует эпизод с «переводом» письма Татьяны Онегину в качестве художественного приема. Татьяна, «русская душою», предпочитает французский язык для признания в любви, о чем автор и между прочим сообщает читателю и, якобы, «переводит» его для.

Так *что* мы читаем?

Вправе ли мы утверждать, что знаем творчество авторов мировой классики? А владеют ли переводчики, благодаря которым эти произведения стали нам доступны, владеют ли они сами настолько хорошим знанием языка оригинала? Если владеют, насколько близко к тексту источника они приблизились?

Вправе ли мы утверждать, что знаем творчество авторов мировой классики? А владеют ли переводчики, благодаря которым эти произведения стали нам доступны, владеют ли они сами настолько хорошим знанием языка оригинала? Если владеют, насколько близко к тексту источника они приблизились?

Вряд ли мы это узнаем... Но это не помешает нам по-прежнему считать, что мы «знаем» творчество или отдельные шедевры мировой литературы.

Еще сложнее с поэзией! Есть устойчивое мнение, что «язык» прозы так отличается от «языка» поэзии, что авторов, одинаково владеющих обоими «языками» так же называют билингвами, как и тех, кто может грамотно говорить и писать, например, на русском и казахском языках. Пушкин, Лермонтов, Бунин создавали свои произведения и в поэзии, и в прозе... и их считают, в этом конкретном смысле, билингвами.

Итак, перевод.

Казахская литература в своем развитии никогда не замыкалась в узких национальных границах; наоборот, отличительной ее чертой было многообразие связей в разработке различных жанров, а также перекрещивание творческих биографий художников, что положительно сказывалось на обогащении национально-эстетического опыта.

Наследие Абая Кунанбаева в переводе на русский язык вошло в сферу духовной жизни русского народа и оказало на нее эстетическое

воздействие. Изучением форм, характерных особенностей и своеобразия вхождения наследия Абая в духовный мир других народов давно стало предметом научных изысканий ученых-компаративистов.

Художественный перевод полноправно входит в родную для переводчика литературу, обогащает ее идейно-тематически и жанрово-стилистически, становится одним из элементов национального литературного контекста.

Переводное произведение всегда становится рядом с оригинальной литературой, на язык которой переводится. Много лет читая курс «История русской литературы 1 половины XIX века, я цитирую признание русского романтика В. А. Жуковского: «У меня все - чужое или по поводу чужого... И все однако - мое!». Русский романтик все свое творческое долголетие занимался переводами на русский язык произведений европейского романтизма, и все они получили статус оригинальных со ссылкой на источник!

Как это ни парадоксально, но на начальной стадии развития национальных литератур переводы в большей степени, чем оригинальные произведения, содействуют развитию литературных языков, оригинальные произведения основываются, прежде всего, на фольклоре, а следовательно, используют разговорно-бытовой языковой пласт.

Потребности воспринимающей литературы предопределяют необходимость воссоздания произведений, написанных в ином идейно-тематическом, жанровом, а тем самым и языковом ключе. Остается одно: оттачивание родного языка на высших классических образцах. Само творчество Абая обогатилось благодаря его переводам произведений восточной, русской, западноевропейской литератур.

Однако творчество Абая выросло не на пустом месте. Его предшественники были выразителями своего времени. Но Абай был намного образованнее их, в круг его интересов входила мировая культура, философия, оттого он и поднялся на качественно новую ступень.

Порой, зная лишь свою национальную литературу, мы не замечаем ее особенностей, которые ясно видны представителям другой культуры. Постигая «чужой» образный мир, поэт-переводчик делает его и «своим», оставляет его «след» в своей творческой памяти.

Первый сборник Абая был издан в Петербурге в 1909 году и подготовлен Какитаем и Турагулом Кунанбаевыми в издательстве И. Бораганского. Значение сборника было неоценимо для казахской общности, и в особенности для казахской литературы, поскольку произведения гениального поэта при его жизни распространялись изустно или же в рукописях.

Поскольку перевод служит одним из объективных показателей

характера и интенсивности культурного взаимодействия, то существенно возрастает значение отбора произведений, а также требования к качеству художественного перевода.

И чем глубже и пристальнее переводчик вникает в сущность поэзии Абая, тем выше его мастерство, тем точнее изображение. Авторы переводов произведений Абая демонстрируют разный творческий уровень, но, тем не менее, все они в меру своего таланта стремились воссоздать поэтическую индивидуальность Абая. Необходимо отметить, что те из них, которые творчески давно были связаны с Казахстаном, бывали на родине Абая, знакомы с историей, нравами и бытом казахской степи, оказались на уровне поставленной задачи.

Сам Абай занимает особо выдающееся место в истории казахского перевода, раздвигая своим оригинальным творчеством географические границы казахской тематики, изыскивая при этом выразительные средства, до тех пор скрытые в языке. Ведь каждый язык, кроме наличных ресурсов, несет в себе потенциальные возможности, которые последовательно раскрываются творческими усилиями писателей.

Время меняет отношение переводчиков к текстам - первоисточникам Абая: главное внимание обращается на смысл стиха, высокие чувства и симпатии, идеи и мечты. Абаевское слово в эмоционально-смысловом отношении предельно емко: и для передачи максимально точного значения, присутствует опасность подмены простоты упрощенностью. Поиск живого и точного слова для выражения глубоких мыслей образного творчества Абая и есть поиск нового в переводе Абая, практически это новое беспредельно, насколько бесконечна устремленность Абая к познанию.

Процесс канонизации Абая сопровождается акцентированием на политической и идеологической составляющей его наследия. Для нравственного баланса общества важно не сбиваться с общечеловеческой сущности духовных заветов классика. Абай неисчерпаем, следующее поколение по-новому увидит его, так как его творчество уже принадлежит времени.

Вслед за первой ознакомительной функцией перевода следует вторая - копирующая, цель которой - максимально точно передать подлинник. Но главной остается третья - художественно-познавательная функция - творческий, воссоздающий перевод. Здесь успех предопределен талантом переводчика, его творческой интуицией и знанием, вживанием в другой национальный мир.

Абай стремился передать свое постижение философии, истории, свой взгляд на пути развития мира; привести человечество к взаимопониманию и контакту, к осмыслению национальных различий как

явления, не только не противоречащего этому взаимодействию, но, наоборот, обогащающего всех духовной силой и мудростью.

Абаеведение за последнее десятилетие (а это, как правило, связано с очередной юбилейной датой) сопровождается литературными спорами вокруг «правильности» перевода. Суть спора: а что считать «правильным»? Ряд исследователей полагают, что чем ближе к оригиналу, тем «правильнее». Другие убеждены: при переводе приходится отступать от буквального перевода, который непонятен читателю иной языковой культуры. Сложность поэтического текста усложняется языковым строем, метрической системой и особой лирической традицией.

Что же происходит с оригинальным текстом после его литературной обработки другим автором?

История переводов творчества Абая по объему уже давно превысила само наследие поэта. Задолго до переводов Е.В. Курдакова благодаря кропотливому труду многих талантливых переводчиков русский читатель узнал и полюбил Абая. В переводческой практике поэзии Абая, как справедливо отмечает семипалатинский исследователь Т.М. Демежанов, сложились две тенденции. Первая связана с попытками как можно ближе передать все нюансы и оттенки его образов, воспроизвести в деталях их национальный колорит преимущественно через этнографические и бытовые реалии. Это стремление к абсолютной точности значений оригинала зачастую приводит к разрушению стихотворной формы, которое неизбежно влечет за собой искажение смысла поэтического произведения.

Другая тенденция заключается в стремлении выразить общечеловеческое у Абая, передать не столько букву, сколько дух его поэзии, вступить с ним в творческий диалог. Именно таким подходом, на наш взгляд, отличаются переводы восточно-казахстанского поэта Е. Курдакова, в которых «стихи Абая предстают в бережном и талантливом исполнении, позволяющем насладиться загадочной, мудрой, очень непростой восточной поэзией в полной мере и на достаточном уровне».

Попытаемся ответить на эти и связанные с ними вопросы на примере переводов Абая русским поэтом двадцатого столетия Е.В. Курдаковым.

По мнению многих современных абаеведов, Е.В. Курдаков как переводчик признан в литературном мире одним из лучших поэтов, кто донес до русскоязычного читателя красоту поэтического слова Абая, великого казахского классика конца XIX века.

Что же удалось Курдакову?

Ответ находим в признании самого Евгения Васильевича: «Абай

мне как бы подсказал, как нужно переводить и его самого. Я его познал как великого, гениального учителя перевода».

Чтоб в гуле породненного звучанья,
Не противостоя, не снисходя, Переводить дыханье на дыханье, Как
жить, дыханья не переводя.

Ключевая фраза: «Переводить дыханье на дыханье», видимо, этому Абай «научил» Курдакова. И в этом, по моему мнению, кроется «секрет» высокой оценки курдаковских переводов.

Интересна такая биографическая деталь: Курдаков, работая над переводами, проводил по несколько дней на родине акына, в его ауле. Подобные факты известны в биографии многих известных писателей, поэтов, которые по возможности посещали те места-окрестности, где жили их персонажи - авторы или их герои.

Что мог увидеть Е. Курдаков в Жидебае на рубеже XX - XXI веков?

Что помогло ему понять, а затем перевести для русского читателя поэтическую мысль казахского акына конца XIX века?

Ищу и я хоть какую-то информацию о том, как выглядит земля Абая сегодня. Вот несколько деталей-описаний недавних посетителей Жидебая: «убаюкивающий, без единого деревца и холмов степной пейзаж»; «словно неспешный караван верблюдов, на двадцать километров протянулись горы Чингистау с запада на восток; приземистые, невысокие - самая крупная вершина Хан чингис; «каждый, кто побывал на этой земле, словно заново перелистывая знаменитый роман-эпопею М. Ауэзова «Путь Абая», увидит дорогу на Семипалатинск, идущую бескрайнюю степь, мимо сопки, похожих на тымак тобыктинцев, одинокую вершину Кокен, встречающую странников на их пути, родник, бьющий среди красноватых камней...».

Степь... «степь без краев, редкие сопки, родник среди камней...».

А вот еще описание:

«В маловодной степи, где появляются сопки, зарождаются ручейки и здесь до поздней осени зеленеют луга. Дорогу на Жидебай пересекает «Соленая речка» - Ашысу. Весной бурная, полноводная с большими разливами, к осени она чуть заметным ручейком светлеет меж глинистых берегов. Здесь, у реки, юный Абай с друзьями охотился за дрофами, утками и гусями.

Коренные жители давно отметили «женский характер» степи и гордый, надменный взгляд «полудикой» найманки. Акыны сложили о ней немало песен! Историки занимались описанием ее прошлого, поэты - воспевали ее настоящее, художники создавали полотна-шедевры, путешественники восторгались.

Нет у дали степной ни границ, ни края. Она бесконечна, словно

прославляющая ее песнь жаворонка. За Каскабулаком начинается долина Ералы, неоглядная, глазу не за что зацепиться, разнообразие вносит лишь сиротливый Мазар вдали да юрта у родника. И снова степи и холмы до такой же безлюдной долины Аркат, до кряжей Большой и Малой Орды, за которыми в огромной низине находится Жидебай, простирающаяся до гор хребта Шынгистау.

Посвятил образу степи пронзительные строки и наш земляк Павел Васильев «родительница-степь». Только коренному жителю - Поэту по природе - знаком норы матушки степи, и только ему открывает она свои тайны.

Такой видится Степь тому, кто хоть немного знаком с творчеством и биографией Абая. Кто изучил его «путь» и научился смотреть на все глазами поэта. Вспоминаются слова Абая: «видят мудрость только зрячие сердца»!

В природе «породненного звучанья» Абая и Курдакова неслучайны биографические совпадения: оба поэта начали писать стихи в 40 лет. Абай ставит свое имя под собственными стихами в этом же возрасте. При всех исторически разных контекстах, это зрелый возраст: за плечами годы мечтаний и разочарований. Е.В. Курдаков своей ставшей знаменитой «Балладе перевода» предпосылает эпиграф: «Прожитое, не сном ли оказалось...». Это из стиха Абая 1901 года.

Обратимся к смыслу названия курдаковской поэмы «Баллада перевода». Фольклорный термин «баллада» рождает ряд образов-ассоциаций. Это и отсылка к национальной культуре (пересечение казахского и русского фольклора - и песня, и сказ). Лирическая песнь передает личность автора-поэта. Эпос воспроизводит и запечатлевает исторические этапы народной жизни! Так усиливается значимость поэтического слова во все времена благодаря сближению личной судьбы поэта и эпического характера эпохи!

В переводах Абая Курдаковым внимательный читатель увидит не ответ на социальный заказ, не профессиональное любопытство или дань уважения. Образ «Баллада перевода» подсказывает и объяснение поэта нового времени открыть, в первую очередь для себя, казахского гения.

Переводчик, как и оригинальный автор, нуждается в поисках жизненных ситуаций, схожих с теми, которые ему предстоит воссоздать на своем языке, а также в поисках соответствия оригиналу в своем опыте чувств. Е. Курдаков признается: «Поэтический перевод - это глубинное, взаимное сотворчество, суггестивная волна, которая две судьбы сливает в единую».

Лирический герой в курдаковской «Балладе перевода» воплощает и образ Абая, размышляющего о своей жизни, и образ современного

поэта, близкого ему по духу:

Я трогаю струну, но то не лира.
И снежный ветер глушит песнь мою.
В пустынном, азиатском сердце мира
Воистину пустыне вопию.

В одном из интервью Е. Курдаков формулирует свое переводческое кредо: «Я попытался дать русский художественный адекват поэзии Абая. И судья здесь русский читатель. Именно он сможет полюбить Абая за равное художественное воплощение. Я поставил себе предельную задачу - дать адекватное художественное прочтение стихов Абая». В поэтических строчках это звучит так: и в «гуле породненного звучанья.

Не противостоя, не снисходя,
Переводить дыханье на дыханье,
Как жить, дыханья не переводя.

На примере одного перевода критик Т. М. Демежанов приоткрывает «лабораторию» перевода, которую представляет «работа» Курдакова с текстом оригинала. Это знаменитое стихотворение Абая «Осень» из всем известного цикла «Времена года». Е. Курдаков не стремится к обязательной передаче национальных образов мира, колоритных этнографических картинах, нарочитой стилизации под Восток или казахскую образность. Интерпретация «Осени» переводчиком основана, с одной стороны, на принципиальной многозначности художественного образа: «осень» - время года и время жизни. С другой стороны, наиболее созвучна с душевными ощущениями и поэта, и переводчика.

Замена нюансов и оттенков ярмарочного каравана в тексте-оригинале на ключевой в творческом мире Е.Курдакова образ улетающих птиц становится объяснимым и понятным в мировосприятии обоих поэтов:

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до весны.

В отличие от других переводчиков, видевших в «Осени» социально-бытовую зарисовку, Е. Курдаков сосредотачивается на философских настроениях, размышлениях и раздумьях о жизни. И для русскоязычного читателя образы «автора» и «переводчика» объединяются в одном лирическом переживании, отраженном и в сознании самого читателя.

Характерно признание самого поэта: «Переводить Абая трудно. И

не только потому, что он уже и для современников был «загадкой», как отмечал сам поэт, и не потому, что он как новатор, перенасыщал лексику, широко применял непривычные размеры и метры. Трудности усугубляются еще и тем, что казахский язык с его агглютинативной структурой компактнее русского и без некоторых купюр в переводах попросту не обойтись».

Этим объясняются отклонения от оригинала, известные в истории и практике перевода. В курдаковском тексте они свидетельствуют о том, насколько глубоко переводчик сумел проникнуться духом оригинала, и как бы развивают и разъясняют авторскую мысль. При этом ему удалось сохранить национальную принадлежность стихотворения, непосредственно абаевскую интонацию.

Возвращаясь к тексту «Баллады перевода», хочу обратить внимание на особенность переводческой манеры Курдакова: буквально двумя строчками передать глубину личной трагедии Абая после потери сына:

И умер сын... Снег черный, как несчастье,

Метет сквозь жизнь, - и изменяет брат...

В поэтически емкой интонации мы слышим проникнутую драматизмом непонятую никем из современников судьбу обоих поэтов:

Прошла любовь, надежды отгорели,

И жизни бестолковая байга

Оставила, как эти вот метели,

В душе лишь беспросветные снега.

Дымят кочевья, кони снег копытят,

И бродят псы за ветреным холмом.

И мир уже почти не любопытен,

Он противоречив в себе самом.

... А в Жидебай 21 столетия тянется нескончаемый людской поток. Идут люди к Абаю, заходят в его дом, видят предметы, которые держал он в руках, его домбру на стене.

И, может, среди посетителей - новый переводчик: не лучше - просто другой - он увидит еще не обозначенные в предшествующих переводах грани поэтического слова национального Пророка.

«5. Перевожу поэта...».

Это самая короткая последняя из пяти «глав» Баллады. Цифра и два слова. Многоточие.

Мне видится смысл глубокий смысл курдаковской «поэмы перевода» в том, что история перевода не кончается:

Судьба поэта тоже назиданье

Умеющим читать ее с конца.

Безгранично, как степь, слово Абая, и в поиске смысла нет последней станции на нашем пути к Поэту.

Постигая его, мы постигаем себя:

Кочует род вдоль низких гор Чингизских,

Как год назад, как пять, как жизнь назад. (Е. Курдаков).